

Даже если бы на Втором московском международном фестивале спектаклей одного актера была показана только эта постановка, праздник можно бы считать состоявшимся, а Повиласа Будриса — актера из Вильнюсского академического театра — принять за символ, эталон того, что способен сделать один исполнитель.

Монодрама Альвидаса Баусиса «Ближе чем вдали» видится идеальным материалом для подобного жанра, в то время как само зрелище равно привлекательно как для публики, так и для исследователя, заставляя вновь и вновь прокручивать в памяти действие в надежде разгадать секрет его магии. Во время просмотра для анализа просто не было времени — каждый момент сценического существования радовал виртуозностью мастерства и непредсказуемостью, равно естественной и отделанной.

Из самых обыденных, житейских занятий внезапно возникали маленькие «стихотворения в прозе». Чтобы, к примеру, развести костер, надо совершить массу забавных действий: превратить в очаг полую колоду, служившую до того ложом и креслом; набросать туда собранного на берегу и мелко наломленного сушняка; чиркнуть кремнем, высекая искру; долго раздуть тлеющие щепки, сдерживая текущие из глаз слезы и кашля от едкого дыма; наконец — выйдя из терпения, схватить бамбуковую палку, служившую до того то удочкой, то дубинкой, то подзорной трубой, и через нее, напрягая щеки, вдохнуть жизнь в невидимое пламя.

И все это — в нетерпеливом ожидании предстоящего завтрака, с тем более уморительным аппетитом, что лакомое и очевидно деликатесное блюдо,

с такой тщательностью и удовольствием поджариваемое на протянутой над костром палочке, — змея. Предварительно ловко «освежеванная», вывернутая наизнанку одним движением руки (мгновенная иллюзия при помощи растрепанной веревки). А перед тем, как вкусить результат вдохновенных трудов, искусный кулинар оглянется вокруг и, заметив зрителей и секунду помешкав, все же одним движением ладони пригласит желающих разделить с ним трапезу.

Расхожая и часто звучавшая в официальных поздравлениях фраза «Я не знаю ни слова на литовском (английском, французском и так далее) языке, но я все понял» — отбрасывается с раздражением. Хочется не только понять общий смысл, но прочувствовать каждый нюанс, каждый поворот мысли, что без знания чужого наречия, увы, невозможно. Повилас Будрис играл на родном языке (первоначально в сопровождении синхрониста, но на втором представлении от перевода отказались — без наушников он слишком мешал актеру и публике) и только в самом конце прочел — знаком переклестывания всех национальных и временных границ — на русском стихотворение Ли Бо.

МАЛОВЕДОМЫЙ ШЕДЕВР

Когда берешь в руки программку и читаешь синопсис — краткое и изящное изложение пьесы, поражает сочетание философской глубины с тем ясным и простым, забавным и увлекательным, что происходит на сцене. Беседы с душами древних китайских мудрецов — Конфуция, Лао Цзы — очень напоминают деревенские разговоры на завалинке. Только здесь — чтоб быть к небу поближе, — герой забирается на дерево, а устав кричать (далеко все-таки небу) и задирать голову, приспособливает все тот же полый бамбук в качестве чуть хрипящего и не вполне надежного (что поделать — техника) переговорного устройства. Все сложные умозаключения и теоретические построения обретают у Будриса теплую, земную основу.

Все начинается в 1580 году на берегу Желтого моря — и на сцене разбросаны куски дерева и камни, то грубо отшлифованные, то почти отполированные, — вода потрудились по-разному. Главный герой — писатель (каюсь, мне неизвестный) У Чень Энь: Будрис выходит босиком в наброшенной на голое тело хламиде явно восточного покроя, а концы завязанной под подбородком косынки в точности реденькая старческая борода. Писатель рассказывает о своей повести — превращении обезьяны в человека. Будрис обнажает коротко подстриженный череп, одевая сползает с плеч, которые чуть притягиваются к ушам, возникает примат, хвостом которого оканчивается веревка, подпоясывавшая рубище старика. Обезьяна ведет разговор с дровосеком — меняется не только пластика, мимика, интонация, но и ракурс и освещение: полная иллюзия двух актеров при внятности существования лишь одного.

Средства просты, все совершается на глазах: палка или канат превращаются в змею, кусок камня, подвешенный на веревке, видится то луной, то драконом — приемы замечаются то у цирка, то у эстрады, танцы сменяются жестами восточных единоборств; однако все выверено до миллиметра — изобилие при скупости. Раскрытые ладони с отсталенными большими пальцами примыкают к лицу — рождается индийское божество, каким оно помнится

по статуе храма. Чуть раздвигаются лежащие на коленях руки — рисуется объемистый живот самого Будды со знаменитым пупом, к которому стремятся указательные пальцы. Предметы оживляются и очеловечиваются, тело и лицо трансформируются, заставляя ахать от неожиданности и восхищения.

У талантливейшего Будриса должен быть гениальный режиссер, который выдвинул на первый план не актера, но его мастерство, подчинив все рассказу о человеческой истории и человеческих возможностях. Однако в программке на месте имени постановщика значится та же фамилия — Повилас Будрис! Это кажется уже совершенной фантастикой: умение видеть самого себя со стороны, вычислить каждый ракурс, рассчитать смену ритмов, ни разу не наскучив и не повторившись. А тут еще и напротив слова «художники» значится: Марюс Пускунигус и Повилас Будрис.

«Ближе чем вдали» — тот искомый случай, театральная сказка, невозможное чудо, при воспоминании о котором завидуешь сам себе — я это видел! И еще раз горестно вздохнешь о несовершенстве организации фестиваля (основного, в отношении организации дополнительного «Фестиваля вокруг фестиваля» приходится говорить не о недостатках, но безобразии, вопиющем и бездарном). Ближайшие отечественные соперники Будриса — Алексей Левинский и Александр Филипенко, — выступали со старыми работами, но собирали намного больше зрителей. Вильнюсский же шедевр, ставший блистающей кометой на тусклом театральном небе нынешнего сезона Москвы, удалось увидеть немногим.

Алексей НИКИТИН.

Фото Гинтараса ЗИНКЕВИЧЮСА.

